

Несколько лет назад один из самых популярных в России fashion-фотографов Владимир Клавихо-Телепнев круто изменил свою жизнь. Он перестал снимать для журналов и рекламы, отказался от выгодных заказов и занялся искусством. Причем успешно. Теперь его работы продаются в галереях Нью-Йорка и Лондона наравне с живописью, а осенью несколько работ будет представлено на Sotheby's. Подобного успеха русская фотография не имела со времен Родченко. Чтобы поговорить об искусстве и жизни, «Медведь» встретился с Владимиром в его новой мастерской в московском Манеже.

Текст: Станислав Юшкин. Фото: Сергей Величкин, Владимир Клавихо-Телепнев

ФОТО-ИДЕАЛИСТ

ЭГЛОМИЗЕ

— Твои фотографии, Володя, выглядят очень необычно.

— Техника, в которой я работаю, называется «эгломизе». Это такой спиритуальный подход к фотографии. Внешне это выглядит так, будто в зеркале, потерявшем амальгаму, вдруг проступает некое изображение.

— Эгломизе в фотографии — это твое ноу-хау?

— Да, техника уникальна и никто в мире ее пока не использует. Все получилось отчасти случайно. Лет шесть назад меня попросили восстановить дагерротип. Мы его чистили, пытались сканировать под разными углами, и вдруг в какой-то момент изображение из негатива превратилось в позитив — это был портрет одного из князей Голицыных... После этого я стал экспериментировать с зеркалами, искать выходы фотографии в другое пространство. И как-то ко мне зашел сосед, специалист по миниатюре, посмотрел и говорит: «Володя — это же эгломизе». Повел меня к себе и показал маленькие миниатюры XVIII века —

«Ева спит», «Ева не спит»
Каждая из этих работ продана
на аукционе Phillips в 2008 году
за \$10 000

такие процарапанные на золоте силуэты, которые назывались «эгломизе». А саму технологию мы искали год, пытались понять, как ее применить, как грамотно все соединить...

— Очень похоже на ретро стиль.

— Для меня это не ретро, а оценка настоящего путем погружения его в безвременье. Я пытаюсь сделать сюжеты изображений — немного идеализируя, конечно — такими, какими они были бы, если бы революции не произошло. Революция привела к упрощению живописи, когда в искусство хлынули люди не слишком образованные. Появилась такая натуральность, первобытность, пот и солянка. В институты брали только крестьян и рабочих. Не спорю, среди них были гениальные люди. Но таким образом резко и навсегда потерялась часть изобразительной культуры, часть стилей.

— Твои работы уже стали продаваться на самых престижных мировых аукционах, в том числе в Нью-Йорке на Phillips, и вот осенью выставляются на Sotheby's.

— На последнем аукционе Gene Shapiro в Нью-Йорке моя работа ушла за 15 700 долларов. На Phillips вместе с Дэвидом Ла Шапелем я вышел в лидеры по динамике роста цен на отдельные работы. А первый раз на Phillips мои работы выставили в октябре прошлого года, и

там был очень хороший результат. Я обошел Хельмута Ньютона, Энни Лейбовиц, Энди Уорхола и был второй по продажам.

КОСТЮМЫ И КУКЛЫ

— Ты, наверное, единственный в России фотограф, кто делает дорогие костюмированные съемки, для которых специально шьются костюмы и даже изготавливаются куклы.

— У нас действительно мало кто занимается темами не журнальными и не рекламными, а исключительно художественными. Прежде всего потому, что это довольно дорогое удовольствие. И когда я говорю, что делаю такие съемки для себя — никто не понимает...

— А сколько стоит такая съемка?

— Ну, бюджет съемки, если это, допустим, «Алиса в Стране чудес», около 30 тысяч долларов. У меня был выбор: ждать, пока появятся какие-то спонсорские деньги, или делать потихоньку самому. Я начал делать потихоньку в 2003 году и делаю до сих пор.

Алиса — девочка, которая постоянно меняется, потому что дети очень быстро растут, а съемка идет медленно.

Костюмы Алисы и других персонажей шьют Лена Супрун и Юлия Далакян. Кукол — их около пятнадцати — сначала делал художник-кукольник Андрей Дроз-

дов, который в свое время работал для программы НТВ «Куклы», а теперь я сам.

БИБЛИЯ

— Я знаю, у тебя есть проект: Библия в фотографии.

— Есть некоторое количество работ, на которые я получил благословение патриарха. Началось с того, что в Израиле и Египте я снимал пейзажи. Уже дома стал переводить цветное изображение в черно-белое и обнаружил эффект, как в старой иконе, когда начинается реставрация: снимают старый лак, и проступает неизвестное изображение. Только в данном случае все происходит наоборот. Был цвет, я начинаю его убирать, как бы ухудшаю изображение, и появляется что-то иное — как будто каркас, который я не увидел в цвете. И я довел изображение до такого состояния, когда оно вызывало у меня те же чувства, что я испытывал на Святой Земле. Тогда я решил попробовать проиллюстрировать Библию подобными фотографиями. Обычно в фигуративных иллюстрациях художник навязывает читателю свое видение. А здесь человек будет сам дочитывать реальное пространство.

БИЗНЕС

— Несмотря на всю художественную составляющую проектов, ты все-таки начал зарабатывать на них деньги?

— Бизнес получился случайно. Еще продолжая сотрудничать с журналами и рекламой, я нашел галерею, которая взяла мои работы — фотография тогда только входила в моду. Работы быстро купили, в галерее обрадовались, поставили цену в четыре раза выше, чем была, и фотографии снова быстро купили. Дальше — больше. Я перестал работать с журналами. Стал делать не то, что просят, а то, что хочу.

— Как сейчас оцениваются твои фотографии?

— Начинал я с 200–300 долларов, а сейчас моя работа стоит 18–20 тысяч.

— Можно сказать, что сегодня ты самый дорогой фотограф в России?

— Да, из актуальных, наверное, самый дорогой. Есть еще фотографы, которые продаются дорого, но редко.

— А каковы сегодня цены на Родченко?

— Родченко сейчас продается недорого. Но я считаю, что продавать Родченко и Ньютона можно за любую цену, для меня это вещи бесценные, хотя я больше люблю Макса Альберта — фотографа 20–30-х годов, мне он кажется интереснее.

«Я СТАРАЮСЬ, ЧТОБЫ МНЕ БЫЛО ИНТЕРЕСНО, СТАРАЮСЬ САМОГО СЕБЯ УДИВЛЯТЬ. ИНОГДА Я БРОСАЮСЬ В КАКИЕ-НИБУДЬ ОЧЕНЬ РИСКОВАННЫЕ И ТРУДНЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРОВЕРЯЮ, СМОГУ ЛИ ВЫПЛЫТЬ»

ТЕНДЕНЦИИ

— Какие тенденции ты видишь в современной фотографии?

— Я вижу очень сильное разделение искусства на две половины: одна — от ума, другая — от сердца. От ума — это когда креативный человек со способностями к точным наукам начинает достигать каких-то определенных высот в современном искусстве. В этом случае важна стра-

тегия: какое изображение будет модно и этапы раскрутки Хельмута Ньютона, Энни Лейбовиц...

Теперь даже понятие «искусство» разделилось на искусство актуальное и просто искусство.

Я себя отношу к просто искусству. Таким образом перестаю быть актуальным, хотя не мертвым...

Мы тут недавно ездили во Флоренцию всей семьей, естественно, ходили по музеям, и у меня такое ощущение полета и подъема сил было... А после выставок современного искусства у меня начинается депрессия, причем страшная.

ДЕТСТВО

— Я слышал, что ты отбираешь модели для съемки через сайт «Одноклассники», хотя в школе тебе было не очень сладко.

— Дети меня спрашивают: «Папа, тебя гнобили в школе?» — «Гнобили!» — «Ну и как?» — «Ну, видите, все закончилось хорошо...»

— Ты учился где-то на окраине Москвы?

— Да, до восьмого класса я учился в школе в районе завода ЗИЛ. Меня не принимали и сильно издевались. Я рисовал, а это считалось позорно. Я много читал, и у меня о женщинах было представление несколько идеализированное, я был в шоке, когда в первом классе увидел, что мальчики бьют девочек. У меня даже на «Одноклассниках» вот эта часть жизни — с первого по восьмой класс — практически не представлена.

— Такие условия закалили.

— Думаю, да. После восьмого из трех классов сделали два, и меня не взяли, так как я был двоечником. В результате я перешел в другую школу, где проучился всего два года, но с этим классом у меня связаны самые лучшие воспоминания. Там были все очень >

«La Russ». Эта работа в технике энкастики продана на аукционе Phillips в 2008 году за \$27 400

хорошие ребята. Они даже обо мне как-то заботились. В школу нужно было пройти через бульвар, и я там сидел на скамейке и рисовал. Одноклассники хлопали меня по плечу и говорили: «Мы скажем, что ты болеешь», — и я оставался рисовать, пропуская первый и второй уроки...

— У тебя прозвище было какое-нибудь?

— У меня было прозвище Клава. Уничжительное. Это до восьмого класса. А потом меня звали Педро, потому что мой отец был Педро. Тогда как раз прошел фильм «Здравствуйте, я ваша тетя!» и все знали, кто такой Педро.

— То есть до восьмого класса на тебя девочки не обращали внимание?

— На меня не обращали внимание до десятого класса. Я был такой тихий мальчик, и я был увлечен искусством.

— Ты сейчас цель перед собой ставишь какую-то профессиональную?

— Я стараюсь, чтобы мне было интересно, стараюсь самого себя удивлять. Иногда я бросаюсь в какие-нибудь очень рискованные и трудные проекты и проверяю, смогу ли выплыть. Бывает, что, кажется, не смогу никогда, но потом получается. И тогда возникает ощущение, что тебя кто-то ведет. Можно назвать это как угодно: помогает Бог, родственники, которых уже нет, гены... Но ощущение такое, что ты сам это никогда не смог бы сделать — и вдруг сделал. ■

